

Глава 50

Спустя десять лет Чжун Цин снова ощутил счастье быть обычным человеком.

Кожа больше не болела, глаза перестали видеть распадающиеся частицы моделей персонажей. Он ошеломлённо смотрел на свои руки, убеждаясь, что на них нет ни единой царапины.

Тело всё ещё ломило, но это была боль плоти, а не души.

«Система. Моя болезнь прошла?»

«Да, — Система просматривала данные на панели. — Частицы модели Чжуан Яня заполнили твои дефекты. Судя по всему, это навсегда».

Действительно, частицы Чжуан Яня спокойно обосновались в его теле, не выказывая ни малейшего намерения рассеяться, как и всегда, оставаясь неподвижными.

Раздражение и тревога, копившиеся в глубине души, исчезли без следа, и Чжун Цин ощутил давно забытое умиротворение, несмотря на все те нелепые слова, что он только что услышал от Чжуан Яня.

«Неудивительно...» — пробормотал он про себя.

Неудивительно, что прошлой ночью, даже будучи на грани срыва от унижения, он всё равно испытывал такое наслаждение. Ощущение полноты от заполнения частиц превосходило любую другую радость, и от него было невозможно отказаться.

Неужели это и есть привилегия главного героя?

Если с Чжуан Янем было так хорошо, то что же будет с Линь Цзыханем...

Чжун Цин поспешно оборвал эту опасную мысль.

— Ты надумал, Чжун Цин?

Голос Чжуан Яня за спиной заставил кожу Чжун Цина покрыться мурашками. Ему захотелось, чтобы на полу появилась дыра, в которую можно было бы зарыться, как страус, и игнорировать происходящее.

Найти лекарство, конечно, было радостно, но почему именно таким способом?

Он беспомощно вздохнул, повернулся и встретился взглядом с Чжуан Янем.

Раз уж это случилось, нужно было смотреть правде в глаза.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Ты же сердцеед. Половины твоего мастерства хватит, чтобы справиться со мной.

Чжуан Янь даже улыбнулся.

— Я слишком старомоден. Прошлой ночью, как ни старался, смог придумать только три пункта. Какие остальные семь, расскажешь мне ты.

Руки Чжун Цина задрожали.

Воспоминания о прошлой ночи нахлынули вновь: лунный свет, ковёр, холодное стекло и бескрайний снег. Чжун Цин покраснел от смеси гнева и смущения и чуть было не вlepил ему пощёчину, чтобы тот замолчал.

Но он был так взбешён, что у него не было сил даже поднять руку.

— ...А если я не соглашусь?

Чжуан Янь достал телефон и начал набирать номер.

Чжун Цин сразу узнал номер специального помощника Чэня, правой руки старого директора Чжуана, который в смутное для семьи время решительно перешёл на сторону Чжуан Яня. Он видел, как тот помогал Чжуан Яню в борьбе, и прекрасно знал, насколько он всемогущ и предан своему хозяину.

Он был острейшим клинком в руках Чжуан Яня и действительно мог по одному его слову разрушить чью-то жизнь, не задавая лишних вопросов.

— Хватит!

Чжун Цин схватил Чжуан Яня за руку.

— Я согласен.

Чжуан Янь молчал.

Он получил желаемый ответ, но радости в душе не было.

— Но, Чжуан Янь, в обмен ты больше не будешь трогать Линь Цзыханя.

Чжун Цин поднял глаза на Чжуан Яня. В его взгляде уже не было унижения от этой сделки, лишь ясная решимость.

— И ты не расскажешь ему об этом, — он помолчал и добавил: — Никому не расскажешь.

В глазах Чжуан Яня вспыхнул гнев, но этот огонь быстро сжёг дотла все остатки грусти и сострадания в его душе, оставив после себя лишь выжженную пустыню.

Он саркастически усмехнулся.

— Это будет зависеть от твоего поведения.

***

На первом этаже школьной галереи искусств, прямо в центре холла, стоял рояль. Время от времени кто-нибудь из студентов садился за него и играл.

Неважно, хорошо или плохо, — одна лишь смелость выйти на сцену заслуживала аплодисментов.

Сегодня за роялем сидел явно опытный музыкант.

Музыка лилась плавно, ритм и динамика были безупречны. Но все взгляды были прикованы к рукам исполнителя.

Это были руки, красота которых затмевала всё остальное.

Они порхали по клавишам, и на фоне чёрно-белой клавиатуры казались выточенными из нефрита.

Когда мелодия закончилась, он встал и под шквал аплодисментов посмотрел на второй этаж, в определённую точку галереи.

Чжун Цин, лениво облокотившись на перила, стоял там. В нескольких шагах позади него, как неотвязная тень, маячил старший сын семьи Чжуан.

Линь Цзыхань подождал немного, но, видя, что Чжун Цин не спускается, пошёл наверх сам.

— Давно не виделись, Чжун Цин.

— Давно не виделись.

Приветствие прозвучало совершенно обыденно. В присутствии Чжуан Яня Чжун Цин не осмеливался проявлять слишком много радости.

Бог знает, как он пережил эти дни в ожидании начала учёбы.

Иногда ему казалось, что человек, который давил на него сверху, был настоящим диким зверем, который не понимал ни слов, ни выражений лица.

Он смотрел, как медленно приближается Линь Цзыхань.

Недаром он один из главных героев. После той ночи он перестал видеть частицы других людей, но частицы Линь Цзыханя всё ещё ощущал отчётливо.

Они по-прежнему были густыми, как прилив, и плотно окутывали его. Увы, для него, чья модель теперь была без дефектов, даже такая высокая совместимость была не более чем безвкусным и бесполезным куриным ребром.

Линь Цзыхань подошёл и сказал:

— Эта мелодия — церковный реквием.

— Очень красиво, — похвалил Чжун Цин.

Линь Цзыхань помолчал.

— Ты же говорил, что хочешь поговорить со мной. В церкви Святого Людовика?

Чжун Цин украдкой взглянул на Чжуан Яня. На его лице по-прежнему не было никаких эмоций, но вряд ли он был доволен.

Церковь Святого Людовика стала между ними запретной темой. Даже то бриллиантовое кольцо Чжуан Янь выбросил в речку за конюшней.

— Там очень красиво, — уклончиво ответил Чжун Цин. — А ты ведь верующий, я подумал, тебе

понравится.

Линь Цзыхань нахмурился.

Он понял, что Чжун Цин уклоняется от ответа.

Это было слишком очевидно. Чжун Цин впервые, увидев его, не улыбнулся той своей улыбкой, словно выздоравливающий после долгой болезни, и впервые, разговаривая с ним, поглядывал на реакцию Чжуан Яня.

— Ты можешь отвести меня туда, — невольно ускоряя темп, сказал Линь Цзыхань. — Кстати, у меня тоже есть к тебе разговор.

В этот момент неторопливо вмешался Чжуан Янь:

— Давайте отложим воспоминания на потом. Пора ужинать.

Он смотрел только на Чжун Цина.

— Сегодня твой любимый ресторан. Повар уже ждёт дома.

Чжун Цин метался взглядом между ними, не зная, что делать.

Очки привязанности в ту ночь взлетели до небес, намного превысив требуемое Системой количество. Но даже если он больше не был под контролем очков, ему всё равно приходилось считаться с образом персонажа. Как глубоко влюблённый персонаж второго плана, он не мог столько раз подряд отказывать Линь Цзыханю.

Чжун Цину ничего не оставалось, как попросить Чжуан Яня уступить.

Он повернулся к нему и легонько потянул за рукав.

Чжуан Янь молчал. Чжун Цину пришлось подойти ближе и прошептать так, чтобы слышали только они двое:

— Я просто поговорю с ним, обещаю, ничего больше.

Чжуан Янь по-прежнему молчал.

— Ну пожалуйста.

Ресницы Чжуан Яня дрогнули. В месте, невидимом для Линь Цзыханя, он беззвучно произнёс:

Шес.

То.

Е.

Это прозвучало так зловеще, словно шипение змеи.

Чжун Цин, стиснув зубы, решительно кивнул.

Чжуан Янь наконец остался доволен.

— Даю тебе полчаса. И не покидать территорию школы.

— Хорошо, хорошо.

Получив ответ, Чжуан Янь впервые за сегодня удостоил Линь Цзыханя взглядом.

Он улыбнулся ему, но в его глазах не было и тени улыбки, лишь ледяной холод.

— Желаю вам приятно поболтать.

Чжун Цин последовал за Линь Цзыханем на крышу галереи.

Стоял конец зимы и начало весны, ветер был ещё пронизывающим, а на крыше — и подавно.

Чжун Цин то и дело поглядывал на часы, боясь опоздать. Линь Цзыхань же не сводил с него глаз, и чувство тревоги и странности в его душе всё нарастало.

— Чжун Цин, что ты хотел мне сказать?

— А? — Чжун Цин очнулся. — Ах, это неважно. Сначала ты.

— Я хочу на тебе жениться.

Чжун Цин застыл с ошеломлённым видом, словно только что услышал ужасную новость.

— Ты о чём? — недоверчиво спросил он.

Линь Цзыхань слабо улыбнулся.

Он достал из кармана кольцо.

— В степи самый важный свадебный подарок — это добыча, убитая в одиночку. В самолёт нельзя проносить ни живых существ, ни необработанные туши, поэтому я смог привезти только его кость.

Чжун Цин посмотрел на кольцо. Оно было очень тонкой работы, с вырезанным по кругу узором, похожим на позвонки.

Рука, державшая кольцо, была слишком красива: белая, почти сливающаяся с костяным кольцом, и такая же гладкая.

Он невольно взял его.

— Чья это кость?

— Волка.

Чжун Цин удивился.

Он посмотрел на руки Линь Цзыханя — белые и хрупкие, казалось, неспособные даже натянуть тетиву лука. Затем он посмотрел на самого Линь Цзыханя — всё такого же худого, каким он его сделал своей «белой» едой.

Никак не похож на человека, способного в одиночку убить волка.

Взгляд снова вернулся к кольцу. На этот раз ему показалось, что узор на нём похож на бамбуковые сочленения.

Он провёл пальцем по гравировке, лихорадочно соображая, под каким предлогом можно отказаться от предложения Линь Цзыханя.

Его образ влюблённого был важен, но безопасность Линь Цзыханя — важнее.

— Я пока не хочу об этом думать, — после раздумий сказал Чжун Цин. — Мы ещё не закончили учёбу.

— Остался год, — спокойно ответил Линь Цзыхань, но в его словах чувствовалось давление. — Через год ты женишься на мне?

— ...Не слишком ли это поспешно?

— А вдруг через год ты влюбишься в кого-нибудь другого? — с намёком сказал Чжун Цин.

— Я не влюблюсь в другого.

«Нет! Ты обязательно должен влюбиться в другого!» — подумал Чжун Цин.

— Если не веришь, вот, возьми, — он снял с шеи крестик и протянул его Чжун Цину. — Пуританин клянётся в верности своему единственному спутнику на всю жизнь, и даже смерть не может нарушить эту клятву.

В груди Чжун Цина что-то оборвалось, словно где-то что-то рухнуло. Он вспомнил, где видел этот необычный крест — на столе у Чжуан Яня.

Во время их борьбы всё со стола было сметено на пол, и только этот крест остался лежать в углу нетронутым. Он символизировал чистоту, но стал свидетелем самого грязного деяния.

— Свет Христов уже достиг и степей? — спросил Чжун Цин.

— Мой отец был пуританином, — объяснил Линь Цзыхань. — Он сдержал свою клятву. Даже когда его жена бросила его и ребёнка и сбежала из степи, он продолжал любить её до самой смерти.

Чжун Цин ухватился за это, как за спасительную соломинку.

— Тогда ты должен быть осторожнее. А вдруг тебе попадётся недостойный человек? Ты пуританин, а я нет.

— Ты хочешь сказать, что будешь мне изменять? — усмехнулся Линь Цзыхань.

— Да, да, — закивал Чжун Цин, а потом тут же замотал головой. — То есть, до измены может и не дойти, я, может, меньше чем через год в другого влюблюсь. Ты же знаешь, каким я был раньше.

— Это неважно.

Линь Цзыхань подошёл вплотную, так близко, что они чувствовали дыхание друг друга.

— Я всё равно буду любить тебя. До самой смерти.

Но он не будет, как его отец, смотреть, как его любимый уходит. Он сам поймает его, будет охотиться на него, как на хитрую лисицу, и приручать, как дикого ястреба. Он увезёт его в самые глухие уголки степи, где опасности подстерегают на каждом шагу, и это место станет для него клеткой, из которой он никогда не вырвется.

И тогда они будут скитаться по свету, неразлучные.

— Я дам тебе время подумать.

Линь Цзыхань поцеловал руку Чжун Цина. Его взгляд был мягок, а манеры — изысканны, как у настоящего джентльмена.

— Но я надеюсь, ты понимаешь, что я приму только один ответ.

<http://bllate.org/book/16114/1591533>